

Некрасов... Светскость, как определяющее, как положительное начало. Все мы монахи в душе, а Некрасов — светский человек. Мы — закрытые, мы — застывшие, мы — засохшие в своих помыслах и комплексах. Некрасов — открыт. Всем дядюшкам и тетушкам, всем клошарам, всем прогулкам по Парижу... Светский человек среди

клерикалов. Ему недоставало трубки и трости.

И посреди феодальной социалистической
литературы — первая светская повесть
— "В окопах Сталинграда".

Странно, что среди наших писателей,
от рождения проклятых, удрученных
этой выворотной, отвратной церковностью,
проживался между тем светский человек.

Солдат, мушкетер, гуляка, Некрасов.

Божья милость, пушкинское дыхание слышались
в этом вольном зеваке и веселом богохульнике.

Член Союза писателей, недавний член КПСС,
исключенный, вычеркнутый
из Большой энциклопедии, он носил с собой
и в себе этот вдох свободы. Человеческое в нем
удивительно соединялось с писательским,
и он был человеком пар экселянс!

А это так редко встречается в большом писателе
в наши дни.

Дядюшка в Лозанне... Как это подошло
— в Лозанне...

Преждевременный некролог? Я понимаю.
Нехорошо, что преждевременный. Но и как воздать?!
Если не преждевременно? Если все мы уходим
и уходим, и никто не стоит за нами
с поднятыми факелами в руках!

Потому и тороплюсь. Надеюсь. Не умрет...

А его Хемингуэй? Наш российский,
наш советский, наш дурацкий Хемингуэй!
Как он был нам важен, необходим

— этот дядя Хэм.

Почти как "Дядя Ваня", как "Хижина дяди Тома".
В нашу сызмальства религиозную жизнь Хэм,
дядя Хэм, вносил почти запретную, подпольную
тему человека.

Ничего особенного: человек? Человек.
Человек? — Человеку. Но это уже было
так значительно, так осмысленно посреди толпы,
принявший либо звериный образ, либо
— еще страшнее — ореол напускной святости.

Спасибо тебе, дядя Хэм...

Некрасов выше, Некрасов чище, чем кто-либо из всех нас любил Хемингуэя. Да ведь и то сказать — он был старше нас, и старше и живее. Как я сказал — был больше всего человеком среди писателей, а человек — не с большой, а с маленькой буквы — это многое дороже стоит.

Почему я все это сейчас пишу?
Когда Некрасов еще не умер?
Чтобы, если он выживет, подарить ему эти странички,
как очередную медаль — за отвагу.

А потом, скажите, что мне делать сейчас,
если о нем не писать?
Чем помочь ему, кроме такого вот
прижизненного некролога?
Толпиться в больнице? Звонить по врачам?
Да всех врачей уже обзвонили, и они затыкают уши
и не хотят больше слушать этих настырных,
неизвестно о чем думающих русских.

"В окопах Сталинграда"... Нужно же было
родиться и кончить свои дни в Париже, чтобы где-то
посредине написать — в око-пах Сталинграда...
Да! Нужно. Нужно же было уехать из Киева,
из России, чтобы приехав в Париж,
тебя разрезали пополам и выкачивали бы гной
из брюшины, из почек и из легких?
Не лучше ли было бы там,
не проще ли было бы в Киеве
и окончить дни, отмеченные "Литературной газетой"?
Куда лезешь? Зачем летишь?
Глоток воздуха. Последний глоток свободы...

A. Синявский
1 июня 1975

1-го июня 1975 года умирал русский писатель Виктор Некрасов. 27-го мая его положили в госпиталь, очень хороший парижский госпиталь, и больше трех часов оперировали, пытаясь спасти от перитонита. Хирург сказал, что любой француз умер

бы за пять дней до такой операции и что, хотя операция прошла хорошо, — положение безнадежно.

1-го июня врачи объявили, что положение резко ухудшилось, что надежды нет и что пора сказать правду жене. И что пора прощаться.

Был поздний вечер. Зареванные, мы сновали по коридорам госпиталя, перешептывались, обменивались длинными, горестными взглядами, кругами ходили вокруг бедной жены, которая еще ничего не понимала, а мы уже знали, что к утру ей быть вдовой. Иногда заглядывали в палату. Там, на очень высокой кровати, как на катафалке, лежал полуоголый, почерневший Некрасов, обмотанный сетью каких-то трубочек и проводочеков. Некрасов был без сознания...

И вот тогда Андрей Синявский (а они очень дружили в тот первый для Некрасова год эмиграции) сказал, что есть одно средство, крайнее средство, и что он попробует...

И Синявский написал Некрасову некролог. При жизни. Это была попытка хоть чем-то помочь, мысленно, словесно, заговорить Смерть в те роковые часы. Эти беглые строки — не очерк и не статья, не письмо и не дневник. Скорее это — полуплач, полузыклинание. Что-то вроде колдовства. И вместе с тем, попытка сказать самому Некрасову, что такое Некрасов, потому что всякому писателю очень важно знать, что же он написал в жизни свое, незаменимое, за что мы все и чтим, и лю-

бим, и помним его, как слово нашей эпохи. Не перечисление заслуг, а уяснение лица, стиля жизни и речи.

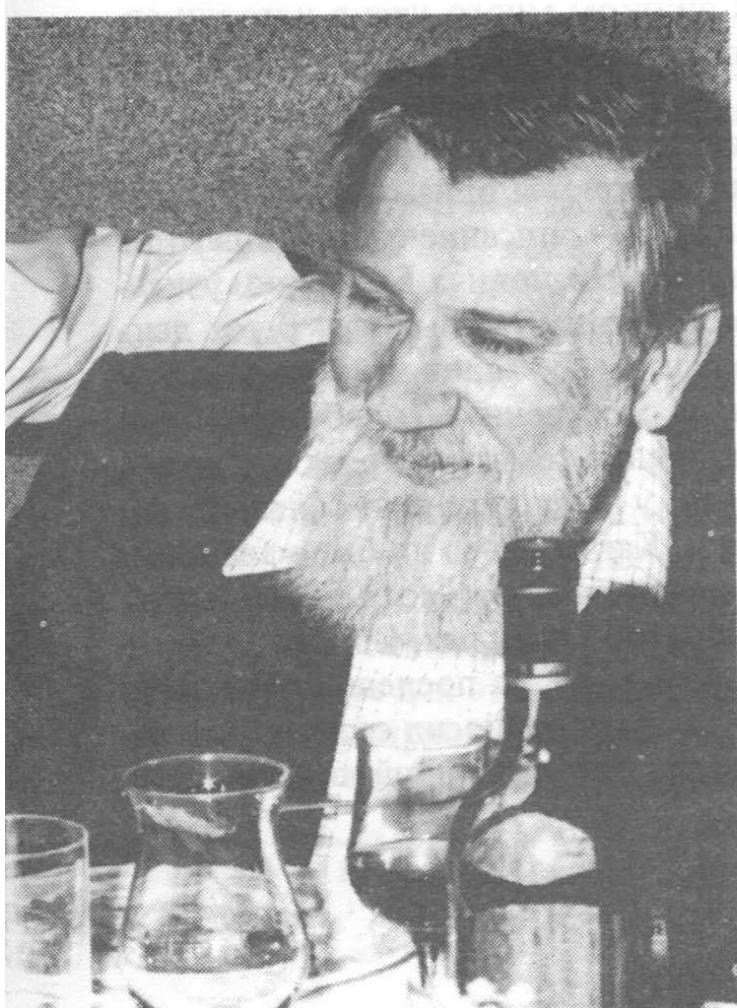
А к утру Некрасов очнулся: вопреки всем медицинским прогнозам и правилам, очень медленно он стал поправляться. Что его тогда спасло? Могучий ли организм, или антибиотики, или напряженная, сосредоточенная любовь друзей, которая тоже иногда не дает отлететь человеческой душе в иные дали, — не знаю... Но Некрасов выбрался из той могилы и прожил еще двенадцать лет.

Это были очень тяжелые для него годы — годы эмиграции, и скрашивались они, в основном, бесчисленными путешествиями (как он любил ездить!), встречами с друзьями из той, из прошлой жизни ("А ты знаешь, кто приехал?"), а последний год — новой оттепелью дома. Как он надеялся на нее, как следил и как радовался каждому новому слову оттуда. Даже послал в один из московских журналов статью о Корбюзье...

А тогда, в том далеком 75-ом году, 17 июня, в день рождения, когда Некрасову исполнилось 64 года, ему был преподнесен "прижизненный некролог", как очередная медаль "За отвагу". Некрасов прочел и сказал: "Как жаль, что такие про меня слова нельзя напечатать сегодня. Сделайте это после моей смерти..."

Он умер 3-го сентября 1987 года.

М.Р.

Виктор Некрасов
с издателями
журнала "Синтаксис"
М.Розановой
и А.Синявским.